

Андрей Попов

ПОЛПАЧКИ ЖИЗНИ

(стихотворения 1974—1980)

ББК 84(2=411.2)6-5
П58

Художник Светлана Шабалина

Попов А. Г.

П58 Полпачки жизни: Стихи. – Сыктывкар, 2026. – 80 с.

В книге известного русского поэта Андрея Попова собраны стихи, написанные им в годы учебы в средней школе и университете. Хотя они созданы почти полвека назад, но и сегодня читаются с большим интересом, привлекают своей искренностью без всяких скидок на то, что написаны еще в юношеском возрасте.

ББК 84(2=411.2)6-5

© Попов А.Г., 2026

© Шабалина С., оформление, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стал листать свои школьные и студенческие тетради, прочитал свои старые стихи, большинство из них никогда не были опубликованы. И подумал – почему бы нет? И решил показать то, что в студенческие годы, в советское время писалось в стол, позднее несколько забылось. Решил вспомнить свои первые стихотворные опыты, которые и сегодня мне показались достойными читательского внимания. Точнее, просто пришло их время. Лучше поздно, чем никогда.

*Андрей Попов, поэт, член Союза писателей
России, выпускник Сыктывкарского
государственного университета*

Хорошо помню, как мы вместе с Андреем Поповым жили в одной комнате на абитуре, поступая в Сыктывкарский университет. Хотели стать филологами, а стали писателями. О стихах, скажу, что поэзия начинается там, где появляется новое мировосприятие. Поэзия – это найденная в слове дверца в другое понимание себя и мира. Поэзия Андрея Попова в подборке 1974-80 годов наглядно показывает нам рождение поэта и рождение поэзии этого автора в тот юношеский период. А мир

думал, что он всё тот же, но его начала перепахивать строка поэта. И нива эта окажется плодородной на десятилетия (возможно, и столетия) вперёд.

Григорий Спичак, писатель, член Союза писателей России, выпускник Сыктывкарского государственного университета

Нас с Андреем Поповым роднит филологический факультет Сыктывкарского университета, я учился на курс старше, но часто приходил в студенческое общежитие – там кипела жизнь, которая для Андрея Попова стала стихами. На наших общих встречах за рюмкой чая он редко читал свои творения, не старался особенно это делать, видимо, не очень надеясь на понимание. Зато в настоящее время эти стихи читать интересней вдвойне – и как память о добром веселом времени, и как произведения человека, ставшего достаточно известным поэтом в России.

Андрей Бородихин, журналист, выпускник Сыктывкарского государственного университета

Мы с Андреем Поповым почти в одно время учились в Сыктывкарском университете, на филологическом факультете, но знакомы не были. Впрочем, оно и понятно: между первым и его пятым курсом дистанция была солидная. И все же время одно, стихи и моего студенчества – и все для меня очень зримо. Этот сборник стихов мог бы и должен был стать первым в творческой

биографии большого русского поэта Андрея Попова. А выходит сорок пять лет спустя. В таких случаях обычно с утешительной интонацией говорят, что лучше поздно, чем никогда. Но Андрей Попов не из тех, кто нуждается в утешении. Он давно всем, да и себе тоже всё доказал. Доказал и показал, как надо чувствовать, шутить, любить и писать по-русски. Как надо переводить на русский. Эта его книга – она и сейчас столь же и своевременна, и современна, какой была бы тогда, в той, альтернативной реальности. В этом и есть высокое отличие хорошей поэзии от прочей другой.

*Михаил Веселов, публицист, неоднократный
победитель конкурсов «Золотое перо НАО»
(Нарьян-Мар)*

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Учился кое-как я на филфаке,
Прогуливал, особенно весной.
Ругался чаще уличной собаки.
Лечил простуду. И болел тоской.*

*Мне не хватало жизненной отваги
И знаний по родному языку.
И выгнали весной из общаги,
Чтоб вылечил сердечную тоску.*

*И я стоял с вещами на вокзале.
Как надо жить? И слова не скажи?!
И не с кем было утолить печали,
Наверное, немного понимали
Мои заботы местные бомжи.*

*Ах, Родина и стражи общежитий!
Я пил с утра. Но вечер наступил.
Я ветром был. Но вы меня простите.
И ничего, поверьте, не пропил.*

*Ни одного спецкурса и предмета
И ни одной беды, ни проходной,
С которой бдели, чтобы мир поэта
Был трезвым. И особенно весной.*

*Не заношусь, не ною, не забуду
И никаких обид не изреку.
Не верил ни во что, а лишь в простуду,
Но всех простил – и вылечил тоску.*

2025

УЧЕНИК АНДРЕЙ

Тепло на юге, только зной
Для птицы – время перелёта,
И стаи тянутся домой,
На север, в тундру, на болото.

Но то, что ясно для пичуг,
Для человека непонятно,
Он с радостью летит на юг –
Не возвращается обратно.

Летит за солнцем и теплом,
Летит в края ему чужие.
И там построит прочный дом,
И там умрёт от ностальгии.

Он ночью, глядя в небосвод,
Когда особенно не спится,
Вдруг с опозданием поймёт,
Что никогда не станет птицей.

1975

Какие в Воркуте печали!
Я не скучаю.
Мне авторучку зеки дали
За пачку чая.

Напротив дома – лагерь, вышки,
И строят школу.
Смотрю на ручку, как воришка –
Ах! С бабой голой!

И с ручкой из запретной жизни,
Как бог крылатый,
Иду, наверно, к коммунизму
И в класс десятый.

1976

ДЕТСКИЕ СЛЁЗЫ

На Новый год костюм медведя
Я с важной гордостью носил.
И у гостей, и у соседей
Я мёд с конфетами просил.

Но счастья нет на белом свете,
Один из пасмурных гостей
Мне назидательно заметил,
Что спать пора – иначе к детям
Уже выходит Бармалей.

И я поверил, горько плакал
В кровати, взяв с собой конфет, –
На Новый год для косолапых
Житья от Бармалеев нет.

1975

Ты говоришь,
Что ждёшь прихода принца,
Как будто короли тебе родня.

А почему бы
Просто не влюбиться
В кого-нибудь?! Хотя бы и в меня.

Пусть я не принц.
Не буду коронован,
Но я дружу пока что с головой.

И бабушка моя
Живёт в Красково,
А это, если знаешь, под Москвой.

1975

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ КРУЖКИ ПИВА

*А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно*

Р.Бернс

Лет через сто,
А лучше через двести
Развеет ветер
По земле мой прах.
И нет меня –
А всё на прежнем месте.
И этот ветер
Будет где-то прав.

Он будет прав –
Со всеми так.
Я знаю.
Жаль, я –
Не Джон Ячменное Зерно,
Что всем смертям назло
Не воскресаю –
И всем несправедливостям назло –

А многие, наверное,
Хотели б,
Хоть так начать всё
С чистого листа –
Качаться в поле злаком,

Чтобы хмелем
Потом шатать
Знакомые места.

1974

САМОМУ СЕБЕ

Если тлеть будет, словно сигарка,
Дым унынья пуская, душа,
Птицы станут не петь вам, а каркать,
Будут дети и звезды мешать.

Если ропоту осени вторя,
Объяснять вы начнёте всерьёз,
Что впадает в Каспийское море
Волга, лошади нужен овёс.

Если ваша сердечная смелость
Станет вздорной и даже смешной,
И сравняется искренность с телом,
А рассветное небо с землёй.

Грусть любви станет только советом,
Что не надо гулять по ночам...
То вы не были русским поэтом,
Это только почудилось вам.

1976

Всё, что можно перековеркав,
Не нашел мудрость вечно простого.
Не нашел я гармонии слова
И гармонии человека.

Предо мною библиотека –
Перечитывай в поисках снова.
Только нет вдруг гармонии слова
И гармонии человека?

1978

ПЕРСПЕКТИВА

Зима прошла, и наступило лето,
Я больше не темнею от тоски.
Я летом знаменитым стал поэтом,
Таким, что можно не писать стихи –

Читаю я почти в любом журнале
Рецензии на мой упрямый труд.
Те, что зимой меня не узнавали,
Теперь за два квартала узнают.

Те, что смеялись над моей заботой,
Теперь встречают честно – по уму...
Но не хватает, чувствую, чего-то.
Чего же не хватает? Не пойму.

Здоровый дух в здоровом организме,
Ни бытовых, ни половых проблем.
И памятник воздвигнули при жизни,
Недалеко от Пушкина совсем.

А именем моим нефтепроводы
Назвали и две станции метро,
И три звезды, три фестиваля моды.
И даже членом стал Политбюро.

А именем моим назвали ВУЗы
Театры, комбинаты, корабли.
Все девушки Советского Союза
Мне говорили о своей любви.

В кармане мелочь Нобелевских премий,
Я с королями пил на брудершафт!
Почетный пионер и академик,
Почетный гражданин и космонавт.

Зима прошла — и лед на сердце тает.
Однако непонятно — почему
Чего-то постоянно не хватает?
Чего еще?! Не знаю. Не пойму.

Какого мне не достает порыва,
Волнения какого на пути?
И осеняет — где же перспектива?!
Нет перспективы... Господи, прости.

1976-1979

Короткие чувства – на несколько строк.
А больше о нас и не скажешь.

Ты станешь далёкой, как Дальний Восток.
И дальше, наверное, даже.

Не станет за нами щемящая грусть
Бежать, как собака по следу.

И ты не вернешься. И я не вернусь.
На Дальний Восток не поеду.

1976

БУРУ В ШКОЛЬНОМ ТУАЛТЕ

Э.П. Сивцовой

А вы меня ругайте – и почаще,
Что я курю. Мне оправдания нет.
Таких, как я, курящих и пропащих
На переменах полный туалет.

И там не обсуждают эпопеи
И красоты советский идеал,
Там темы проще, только поважнее –
Про «Приму» или «Беломорканал».

Там нет любви, но говорят о «бабах»,
Фадеева считают за муру,
Там флибустьеры школьного масштаба
На сигареты режутся в «буру».

Конечно, грубо. Вы меня простите.
Но если честно, я еще смягчил.
Не понимает до конца учитель,
Чему он нас реально научил.

И понимать меня не надо. Только
Построже покачайте головой,
Поставьте мне по поведению «двойку»
И позвоните вечером домой –

Отцу скажите: – Мог стать капитаном,
На ледоколах бы встречал зарю,
Мог стать врачом, юристом... Но не стану,
Поскольку в туалете я курю.

Отец поверит, скажет виновато,
Что плохо на меня влияет друг,
А так хотелось, чтобы кандидатом
Я стал педагогических наук.

И вы меня ругайте – и почаще,
Что мог бы строчки написать ровней,
Что я – не Блок, что слог не подходящий
Для школьных вечеров, что я курящий...
А все-таки ваш ученик – Андрей.

1976

Как хорошо – темным-темно!
Для полной темноты
Пошел я с девушкой в кино
И вспомнил, что есть ты.

Что так и не был я любим,
Надежд не рассказал.
Сейчас, наверное, с другим
Тыходишь в кинозал.

Погаснет свет. Поправишь брошь
В короткой тишине
И спутника ладонь сожмёшь –
И вспомнишь обо мне.

1977

Как я живу? Как мне противно это!
Жить кое-как. И не по естеству.
Зачем люблю вино и сигареты?!
Я так себе здоровье подорву.

И это страшно. Это не забава.
И скажет надо мною студсовет:
— Он пил вино дешёвое, как слава.
И в день курил по пачке сигарет.

И вот лежит без всякого восторга.
Не говорит. Не курит. И не пьёт.
Кто может отвезти его до морга?
Никто не может — всем сдавать зачёт.

Он не болел. Ещё не алкоголик.
Но не встаёт с кровати. И аминь.
Внезапной смерти не боялся что ли?!
Когда курил, а не учил латынь.

А я боялся. Верил, что не скоро.
Вздыхал во сне и даже наяву,
Пил и курил от страха, что с позором
Не сдам зачет по русскому фольклору,
Сдать не смогу — здоровье подорву.

1979

Тебя я не поеду провожать.
Уже не верю никакому чуду.
И не спрошу, волнуясь: – Будешь ждать?
И не услышу твердое: – Не буду...

Ты все решила, что долги раздашь,
Разгонишь недомолвки и туманы,
Возьмешь билет, надежду и багаж
И разольешь разлуку по стаканам.

Тебя я не поеду провожать.
Тебе я ни на шаг
Не стану ближе.
И как твоих волос поправит прядь
Попутный ветер,
Не увижу.

1977

Порядки сместились. Но ждать не устали.
Что стала чужой – мне понять не дано.
Как будто бы на межпланетном вокзале
Я жду электричку до станции Дно.

Как будто на светлом, как звёзды, перроне
С билетами я терпеливо стою.
Как будто надеюсь – сумею в ладони
Весь мир удержать и ладошку твою.

1977

ЗВЁЗДНЫЕ СУДЫ

На нашу любовь и косность,
На наш невесёлый мир
Глядит внимательный космос,
Глядит он до чёрных дыр.

Проблемы у нас нередко,
Не все одолеть смогли –
Капитализм, пятилетки
И тяготенье земли.

И люди напьются, ноют,
Что зря они только пьют...
Кроткий, как вол, гуманоид
Выносит короткий суд.

Его приговор суровый
Звучит сквозь густую тьму:
«Рано. Они не готовы»
И я не готов? К чему?!

И я от вас не в восторге,
Особых похвал не воздам.
Пусть старосты и комсорги
Внимают вашим судам,

Завидуют вашим тряпкам,
А я не пойму никак,
Как у вас тихо и гладко?
И нету на танцах драк?!

За что меня космос судит,
Что не вожу корабли?
Что мне не мешают люди?
И тяготенье земли?!

1977

Начну умирать. И глаза я закрою.
И думать начну, что меня вот не стало.
А в жизни моей что-то было святое?!
Зачем я поверил электрогитарам?!

Какого искал в них я толка и прока?
Какие сочувствия мною играли?
Зачем восторгался я музыкой рока?
Зачем роковой я поверил печали?

И буду лежать я всё тише и тише,
Осмысливать каждую ложь и потерю.
И что я такое однажды услышал,
Что больше уже никому не поверю?

Зачем находил в металлическом скрипе
Я выход из жизни. Наверное, к раю.
Зачем подпевал я стареющим хиппи,
А что-то мне нравилось...
И умираю.

1977

Знает душа, хоть она непрактичная,
Станет мне улица эта обычная
Чем-то таким дорогим.

Буду идти я по ней, как другие,
Приступ почувствую вдруг ностальгии –
Совестью строгой судим.

Спросит прохожий, душевный и чуткий:
– Сердце болит? Или язва желудка?
Станный у вас что-то вид.

– Нет, – я скажу. – Просто снег и утрата.
Жил я на улице этой когда-то.
Память о прошлом болит.

1977

Ты спокойна, как газета,
Говоришь мне: – Не держи!
Я хотел пойти в поэты,
Но могу пойти в бомжи.

Ты вернешься через лето.
Через два. Да толку в том!
Ты могла любить поэта,
Но решил я стать бомжом.

1976

Мне время действует на нервы.
Оно летит, не замечая –
Любви уже не будет первой.
А если будет – то вторая.

И как второй скажу, ревнуя,
Проя прощенья неумело:
– Я до тебя любил другую –
Как время быстро пролетело!..

И как, души не растревожив,
Прошу ответ, всё понимая:
– Ты у меня не первый тоже.
Я, как проходит время, знаю.

1975

**КРАСНОЕ
ЗНАМЯ**

Орган Коми обкома КПСС, Верховного Совета Республики Коми
ИЗДАЕТСЯ С 1919 ГОДА. • № 300 (1988)

В ОБЛАСТНОМ КОМИТЕТЕ КПСС

ГАЗЕТЫ ДЛЯ РУСАЛОК

БУТЕРБРОД С РЕМБРАНДТОМ

Брожу я по музеям,
По выставкам картин,
А мать моя сидит,
Ума не нажил сын,

Для дела нет таланта,
А дел неупорот,
И не кладут Рембрандта,
Как сыр, на бутерброд.

И, как икру не мажут,
На хлеб стихов слова.
Хотя икры в продаже
Не вижу года два.

Не видит бакалея
И рыбный магазин...
Ну, разве что в музее,
На выставке картин.

1977

РОПОТ ДОЖДЯ

1.
Утро без тумана,
Без сюжета.
На вокзале
Гул и толчея.
И любовь
Осталась без ответа.
От неё
И уезжаю я.

Сердце не растраченное
Ропщет –
Что-то не выходит
Жизнь моя.
Выдумал себя.
Быть надо проще –
Чтоб могли поверить,
Это – я.

2.
Уезжая, уезжай –
Я сказал всему: «Прощай!»
Ничего не получилось,
Вспоминай – не вспоминай.

Лучше вспомнить то, что мило.
Только разве что-то было?!
Что я вспомню без печали?
Только дождик на вокзале.

3.
Вокзал в дожде.
Для солнца не сезон.
Глаза молчат
И прячутся под зонт.

1977

Зал обрастал зрителями,
Но оставался пустой.
И приоткрылся занавес –
Передо мной.
Что за странности с мистикой
Бегать по сцене?!
В чем истина?!
Реплика:

– Потеря пульса –
Потеря смысла.
Занавес закрылся.
Кто-то произнёс:

– Спектакль превосходный...
Только я ошибся,
Зал не был пустым,
Просто пустых мест
Было больше, чем свободных.

1977

Я люблю картины «сюра».
Их нельзя понять с наскоку.
Надо всматриваться хмуро,
Чтоб увидеть подоплёку.

Только хмуро – не иначе!
И смотреть без передышки,
Чтоб понять, что автор прячет
От глядящих ясно слишком.

Чтоб увидеть, как же сбились
С толку дактиль или ямб,
Что двусмыслен амариллис,
Фиолетовый, как штамп.

И ещё раскрепоститься,
Чтобы катарсис пришёл.
Видишь, голая девица
Собирает в сумку пчёл.

Кто-то скажет – дура душой.
Только в этом и протест.
Это же картина «сюра»,
А не 25-й съезд.

1977

Я себе говорил и не раз:
Хорошо, что ушла – и пропала.
И осталось лишь несколько фраз,
Что не нравятся толстым журналам.

1977

Не судите про мои задатки
Сам я разберусь, какой в них прок.
В зеркале я вижу – всё в порядке:
Волосы не дыбом, лоб широк.

Чувствуется крепкая порода –
Ровная осанка головы,
Волевой, как трактор, подбородок
И глаза небесной синевы.

Взгляд прямой, а вовсе не угрюмый,
И во взгляде смелость, а не дрожь.
Как это я раньше не подумал –
Мама! Я на гения похож!

1979

Она смеялась надо мной: – Сельпо!
Ты книги не читал Эдгара По.
Я прочитал. Не пожалел труда.
Сказал мне мудрый ворон: «Никогда!».

Сказал мне ворон: «Страсти – ерунда.
Она с тобой не будет – никогда».
Да и не надо. Тоже мне удар!
Зато теперь со мною По Эдгар.

1977

В советской деревне
Не верят Жюль Вернам,
А верят в картошку и рожь.

В полезность навоза
И в пьянство завхоза,
Что правды у нас не найдешь

Взошли яровые.
Дороги кривые,
Асфальта до города нет.

И не беспокойся
О творчестве Джойса
Не знает пока сельсовет.

Поэтому глинам,
Оградам и тынам
Ты кажешься снова чужим.

Но выйдешь из лога –
России так много!
Что город?! Лишь книги и дым.

1980

Молоко обсохнет на усах –
Взвешу свои чувства на весах.

Чувства стали только тяжелей.
Но она с другим.
И я не с ней.

Хмыкну тихо в первые усы.
И смотрю с вниманьем на весы –

Чувства тяжелы мои, как ртуть.
Не пойти ли выпить с кем-нибудь.
Чтобы как-то полегчало чуть.

С девушкою лёгкою, как флирт,
Выпить пива. А потом и спирт.

Угостить шампанским, а потом
Обнимать рукою, как крылом.

1977

Сама собою скрипнет половица,
Кровать вздохнет, что сон совсем исчез.
Наверно, надо выпить и влюбиться
В кого-нибудь из дерзких поэтесс.

Чтоб гордая – божьего пошиба –
Чтоб слог изящен, и сама мила,
Чтоб все сказали, верный сделал выбор...
Но либо не найти такую, либо
Влюбиться надо в ту, что умерла –

Уже ушла из жизни. Это, кстати,
Страсть упростит. Пусть смотрит свысока
На проявление чувства с хрестоматий,
С учебников родного языка.

Пусть всей стране ее знакомо имя –
Ее лицо заучено страной,
Зато не затоскую, что с другими
Она смеётся звонко надо мной.

Страдать не станет сердце, сознавая,
Что не ответит на любовь мою...
Но если рай – не выдумка пустая,
Тогда мы с нею встретимся в раю.

И, может, там сумею объясниться
И рассказать в присутствии небес,
Как заскрипела в доме половица,
И как кровать вздохнула – сон исчез.

1979

ВЕТЕР

*Сегодня на ветру не постоишь:
Срывает шляпы. Что за наважденье!
В газетах пишут - всюду наводнение.
Срывает ветер черепицу с крыши.*

Якоб ван Годдис. «Конец света»

Газеты пишут – выполнили план,
И завтра все выходят на работу.
Чего же я, как мелкий хулиган,
Ищу печаль такому повороту?

Наверно, недалёк я, да и юн,
Но не пойму – зачем опять эпоха
Трубит о том, что льёт она чугуна,
Что собирает центнеры гороха?

Я сам – дитя всех плановых побед
И всех восторгов в утренней газете –
Жую в столовой комплексный обед
И думаю – куда же дует ветер?

Сильней подует – и пойдёт волна,
И устоишь ли от переполоха?
И, может быть, не хватит чугуна,
На душу населения гороха.

1979

Подумал я – вдруг заведу семью,
Семейным человеком буду.
Скажу жене: – Я так тебя люблю!
Она ответит мне: – Помой посуду.

И я помою. Все-таки семья.
И все-таки любовь. А по расчёту
Не стану никогда жениться я...
Да мне вообще жениться неохота.

1979

Простимся, друзья, без печали,
Печалиться нам не идёт.
Я верю, что в светлые дали
Отправится мой самолёт.

Торопится сердце, как птица,
Лететь от сочувственных слов.
Но, верьте, что с ним не случится
Ни приступов, ни катастроф.

Нет, имя мое не для списков
Погибших.
Искать его там –
Напрасное дело. И близким
Я повода плакать не дам.

И ради красивого жеста
В туманностях не пропаду...
Со свадьбой поздравьте невесту,
Скажите, что я не приду.

Что видеть хотел – не решился.
Не ведал смертельных обид.
И мой самолёт не разбился.
И по расписанию летит.

1978

Эйфеля башня собою горда,
Это не водонапорная дура,
Смотрит на мир, словно кинозвезда,
Чтоб восторгалась ей литература.

Может, кого-то ей не удивишь,
Но я хочу после стычки вчерашней,
Чтобы послушал притихший Париж,
Как я читаю стихи с этой башни.

И освещали бы прожектора,
Как я стою на французской высоте....
Парни, с которыми пил я вчера,
Не понимают стихов.
Им бы водки.

1978

Я в Сочи не искал библиотек.
Из бара вышел. Рядом человека
Увидел. Оказался гомосек,
Который сам назвался – гомосексом.

Шнырял у бара он в полночный час
И разговоры вёл с рабочим классом.
Сказал, что он по жизни пидарас,
И посмотрел, как смотрят пидарасы.

Меня отец ещё предупреждал,
Что в жизни будет трудностей не мало.
Сказал: – Вали-ка, гомосексуал.
Я знать не знаю гомосексуалов.

Как дам по морде! Ибо ты мордаст,
Как врежу – и у бара склеишь ласты,
Иди ты в жопу, гей и педераст.
И он ушел, как ходят педерасты.

1978

Ударил дождь –
И я промок.
И под раскаты грома
Я понял,
Зонт бы мне помог,
Но зонт остался дома.

Осталась дома голова,
А в ней прогноз погоды.
Смотрю смиренно, как трава,
На ливневые воды.

Рыдает небо –
Льёт и льёт.
А я не буду плакать.
Я мокну,
Как дворовый кот,
Точнее, как собака.

1978

КОНВЕРТ С МОТЫЛЬКОМ

Я уезжал. Легла на сердце мгла,
На суету и гулкий шум вокзала.
Как я хотел, чтоб ты меня ждала,
Как я хотел, чтоб письма мне писала!

Покачивались звёзды на ветру,
Совсем чуть-чуть, едва заметно глазу.
Полушутя сказала ты: – Умру,
Когда уедешь. Но умру не сразу.

Куплю конверт с картинкой мотылька,
Что, как и я, на свет, а не иначе,
Летит. И напишу тебе: «Пока
Не умерла. Но кашляю и плачу.

Смотрю в окно. Ищу твой огонёк –
Куда лететь. Но всюду ночь и вьюга.
Не сможет долго жить, как мотылёк,
Поверь, твоя крылатая подруга»...

Писал, звонил.
Но у тебя дела –
Не получил я в никаком конверте
Письмо твоё...
Как просто предала!
И думал я, что это хуже смерти.

1978

Я лежу на тротуаре,
Потому что выпил в баре.

В тротуаре много трещин,
Я смотрю на трезвых женщин.

На меня не смотрят даже,
Словно я деталь в пейзаже.

Словно ветер или вечер
Мне прикрыл мозги и плечи.

Но зачем я – часть дороги –
Вновь смотрю на женщин ноги?!

Видно, скверная дорога,
В тротуаре трещин много.

1978

От плотских мечтаний, от тени латаний
Из брусков строк, от сплошных междометий
Прочту декадентов – и ближе вдруг станет
Возможная смерть мне на пару столетий.

Писать бы о долге или о доярке,
О токаре, пекаре или балете.
А я выхожу провожать катафалки,
Хоть думаю часто о будущих детях.

1978

Сигарета сгорит.
Только я не сгорю –
Я другую возьму
И опять закурю.

Не сгорю от любви,
За понты не сочти –
У меня еще
Целая пачка почти.

1978

Этот город одинок, как отшельник.
Нимб над ним, смотрю, похож на ошейник.

Может, кто-то всё нарочно напутал –
Постоянный гость пятнадцати суток.

Посидел недели две он в темнице
И решил, что нимб ему пригодится.

Ну а город?! Пусть протрет свои окна.
И с ошейником походит.
Не сдохнет.

1978

СРОК ВОЗВРАЩЕНИЯ

Какая-то тягостная атмосфера!
Ничто не порадует в хмурой погоде.
И ты улетаешь одна на Венеру.
Земная любовь для тебя не подходит.

Космический ветер! Сердечная тайна!
И слов никаких – ни земных, ни небесных,
Что ты улетаешь. Что ты улетаешь.
И срок возвращения твой неизвестен.

Пройти не могу я на взлетную полосу.
«Нельзя! Никому!» - надпись броская крупно.
Зачем я принёс для тебя гладиолусы?!
Кому их дарить, если ты недоступна?!

Не знаю, как космос, а небо-то серо
Над тихой округой, над дымом предместий.
И ты улетаешь одна на Венеру.
И срок возвращения твой неизвестен.

1978

Какая-то, брат мой, мура,
Знакомые лица не милы.,.
Пойдём-ка и выпьем с утра,
До вечера ждать нету силы.

Напьёмся пойдем от души,
На время совсем не взирая,
Пока еще не алкаши,
Не пьяницы нашего края.

Как много вины и зимы!
И мысли, как люди, унылы
И трезвость, как совесть томит,
До вечера ждать нету силы.

1979

Я пишу стихи.
Только их не публикуют.
Пока неженатый.
Год рождения
одна тысяча девятьсот
пятьдесят девятый.

Мне бы строить дома.
Или класть дороги.
Или копать траншеи.
А продолжаю сидеть
у терпеливых родителей
на шее.

У меня к наукам
способности есть,
считают мама и папа,
Но на меня
оказывает
тлетворное влияние Запад.

Наверное, поэтому
мне часто приходится
удивиться,
Что никак содержание с формой
не складываются
в единство.

Перед всеми
пока что в долгу.
Перед Родиной невиноватый.
Год рождения
одна тысяча девятьсот
пятьдесят девятый.

1979

Почему ты ещё не великий?!
Хмур с утра. Твои мысли темны.
Это веские, брат мой, улики,
Что стихи-то твои не нужны.

Пепел жизни в твоих сигаретах,
А стихи, хоть пиши на стене,
Не нужны ни друзьям, ни газетам,
Ни русалкам, что видишь во сне.

1978

СНЕЖНОЕ ЛЕТО

Это снежное лето,
Во дворе снеговик.
Потушу сигарету,
Посмотрю в черновик.

До высокого слога
Я пока не дорос,
На душе снега много
И про лето вопрос.

Как стихами расскажешь
Про отсутствие птиц?
Эх, лежал бы на пляже
И смотрел на девиц

От одежды свободных,
Не совсем, но слегка,
Не лепил бы в холодных
Мыслях снеговика.

1979

Я ей сказал, что я поэтом стал –
Меня теперь зовут Андре де Стар.

И у меня теперь другой масштаб –
Смотри, на стенке сколько голых баб.

Почти не пью. Совсем другая жизнь.
А ты, моя неверная, катись,

Катись к кому угодно. Или в бар.
Так говорит тебе Андре де Стар.

Или в кабак. В густой табачный дым.
А у меня французский псевдоним.

И я пишу стихи. Почти не пью.
И на измену мне плевать твою.

1980

ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТРА

ПОБЕДА НАД ЧЁРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Учиться лень. И сто сомнений.
Зачёт не сдан. В душе бардак.
Зачем повесился Есенин?
Не объясняет мне филфак.

Да кто поймет больную душу?!
Что пережить ей довелось?
Зря черных человекослушал,
Зря в зеркало летела трость.

А черных человекос, кстати,
Полно – и женщин, и мужчин
Но на моей сидеть кровати
Пока не смеет ни один.

А если б сел? В моей зачётке
Искал бы признаки беды.
Пришлось бы встать – и выпить водки.
Иль, на худой конец, воды.

Сказать: – Ты скучен. Ты невесел.
Зачёты сдам – и ты не ной,
Ты одного уже повесил,
Но не получится со мной.

Не напугаешь, гость из мрака
И в зеркале разбитом тень –
Перед тобой студент филфака,
Которому учиться лень.

1979

СТУДЕНЧЕСКИЙ СОН

Не сдал я зачет... Снилось мне,
Что я не студент, а солдат –
Жирафа и озеро Чад
Три дня охраняю во сне.

Три дня, ни минуты не спав,
Смотрю на прибрежный камыш.
– Зачем ты так долго не спишь? –
Вздохнул, сострадав, жираф. –

Спят лев, носорог, какаду.
Зачем ты три ночи подряд
Стоишь возле озера Чад?!
Стоишь ты в бессонном чаду?

Какая-то странная блажь!
Какие-то странные сны!
На озере дикой страны
Зачёт по спецкурсу не сдашь.

От строгих жирафовых слов
Умнел я скорей, чем от книг.
Вдруг вышел, раздвинув тростник,
Ко мне Николай Гумилёв.

И сразу в упор произнес
– В каком это было году?
Кричал на лету какаду,
Что это контрольный вопрос.

И я отвечал без труда:
– Солдат обойдётся без дат,
Жирафа и озеро Чад
Не сдам никому никогда.

Пуст солнце печёт и печёт,
Пусть стану от зноя багров!
Сказал Николай Гумилёв:
– Довольно. Идите. Зачёт.

– Идите? Не понял я вас.
Мне в этом палящем аду
Не просто, но я не уйду.
Я здесь выполняю приказ.

Я трудностями не смущён...
И трудностям наперекор
Легко передёрнул затвор,
Пока не закончился сон.

1980

ОПОЗДАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТ

Я утро просыпаю, как медведь.
Куда уже спешить? Куда успеть?!

Подвел меня здоровый организм –
И я проспал научный коммунизм.

Вчера в учебник был я погружён,
Но после двух страниц склонило в сон.

Склонило как-то сразу – наповал.
И я уснул. И я опять проспал.

И я подумал сразу после сна,
Что коммунизм проспала и страна.

1977

Учиться дальше не пойду,
Чтоб стать министром, чтобы
Расстраиваться, что мечту
Я загубил учёбой,

Что человеком став большим
С огромным кабинетом –
Поторопился, поспешил,
А мог бы стать поэтом.

1980

Меня пугали, что мещане
Не верят в светлые идеи,
Считают, что судьба в кармане
Сохранней хартии в музее.

Я видел на киноэкране,
Как дорога для них рутина.
И в жизни видел всякой дряни,
Но я не видел мещанина.

Вникая в новости и нравы,
Скучая от идеологий,
Я видел гордых и лукавых,
А чаще пьяных и убогих.

Встречал и одержимых цели,
Высказывал паршивой гниде,
Но все они меня жалели,
Что я мещан пока не видел.

ПОЭТ И ХУДОЖНИК

Раису Халилову

Как удачно положены краски!
К месту здесь полутон, полусвет.
Понимаю, что ты не Веласкес,
Но тебе мой удался портрет.

Мы талант свой пока не пропили.
Жаль, что честность порой не в чести.
Понимаю, что ты не Тропинин,
Я и сам-то не Пушкин, прости.

Допускаю, что лет через десять,
Этот труд ты удачно продашь –
В Третьяковке картину повесят,
Или купит её Эрмитаж.

Гид расскажет – студентам бесплатно –
Как художник такого достиг.
– Нарисован лишь кто – непонятно.
Но не Пушкин. Какой-то мужик.

Вы в глаза его серого цвета
Посмотрите и дальше прощу...
Но уже разойдётся по свету,
По секрету, по кухням – «шу-шу».

Обо мне разнесут небылицы,
Что имел гипнотический взгляд,
Что лежал после драки в больнице,
Что врачи мне подсыпали яд.

После яда я пил растворитель,
Керосин, ацетон, скипидар,
Что писал я стихи на иврите
И подписывал их «Кудеяр»,

Что прохожих пугал пистолетом,
За стихи отсидел года три.
И фарцовщики с этим портретом
Продавать будут календари.

Не понравится власти такое
Впечатленье от честных картин –
Слишком много незваных героев,
Надо, чтобы остался один.

Окажусь я мгновенно некстати
За стихов несоветский разлад.
Есть хороший художник – и хватит,
Пусть о нём – об одном – говорят.

Ах, какая палитра! Оттенки!
И талант возрастает в цене!
И напомнят тебе про застенки
И свободу в советской стране.

Небольшую попросят услугу:
Рубани-ка ты правду с плеча -
Откажись от нескладного друга,
От сомнительного рифмача.

Евтушенко напишет в поэме,
Что ты живописи пионер,
Удостоишься нескольких премий,
Разрешат побывать в ГДР.

И хмелея от доброго слова,
От восторгов с различных сторон,
Скажешь твердо: – Не знаю такого.
Это юной фантазии сон.

А с моею фантазией юной
Для народа чего не создашь!
И трезвее, чем Брежнев с трибуны,
Пояснишь: – Это даже пейзаж,

Не портрет городского бродяги,
Чьи стихи вы случайно прочли.
И не пил я с ним пиво в общаге
За здоровье больного Дали.

Еще шире раскрыть тебе двери
Всем негласный приказ будет дан –
И тебе передачу доверят
Типа «Документальный экран».

Но в тебе я ценил человека.
И хотя я не искусствовед,
Понимаю, что ты не Эль Греко,
Но тебе мой удался портрет.

1980

Решил, что любовь,
Оказалась романом.
Решил было – нежность,
А это щекотка.
Взял в руки перо –
А стою со стаканом,
Я выпил воды –
Оказалось, что водки.

Я думал талант,
А выходит гордыня,
Решил, что судьба,
Но пока только мода.
На улицу вышел –
А это пустыня.
Решил, что любовь,
Оказалась – погода.

Я думал, что выход,
А там загородки,
Решил, что в раю,
А вокруг общежитье.
Я выпил воды –
Оказалось, что водки.
Подробности, видимо,
Все после вскрытия.

1980

Чего не бывает на свете?
Можно всему поверить.
Волна полюбила ветер,
Он бросил её – на берег.

И я не сразу заметил,
И я не сразу поверил,
Что я полюбил твой ветер,
А думал, что это берег.

1980

СВИНОЕ СЕРДЦЕ

Поэт устал. Терял свои караты.
Он водку пил и поглощал салаты.

И на упреки, что душа пьяна,
Устало отвечал: – Пошли вы на...

Не надо слов под пиво разливное,
Что сердце стало у меня свиное.

Не надо песен, мнимые подруги,
Вы ветрены, как северные вьюги.

Ну, то есть не верны. Притом совсем.
Я лучше выпью и салат поем.

Друзья пришли, как оливье, близки,
Лечить его хотели от тоски.

Друзья ему сказали: – Не похож
Ты на поэта стал. Ты много пьешь.

Таким манером и таким объёмом
Ты можешь стать инструктором райкома.

Или прорабом среднего звена,
Но это не стихи.
– Пошли вы на.., –

Сказал поэт, ослабший от идей,
От уговоров «Больше ты не пей»,

От искренних советов, но при этом,
Он оставался все-таки поэтом.

А вы, друзья, устанете – напьётесь.
Ругаетесь, с соседом подерётесь,

Но не поэты – ни в глазу одном,
Каким бы ни напились вы вином.

Конечно, это вовсе не вина.
И будь я пьян, послал бы вас всех на...

Назвал бы это тяжкою виною,
Сказал бы сердце-то у вас свиное.

Но это напускное. Я в ответе
За всех, кого узнал, увидел, встретил.

Не предавайте и меня суду.
Нелегкий выпал день.
Напьюсь пойду.

1978

Рифмую «планета – котлета»,
Рифмую «пчела – камбала».
Зачем меня мама поэтом
В конце сентября родила?

Все радости и все печали,
Сомнения ночи и дня
Поэты уже написали,
Родившиеся до меня.

Чего же я мучусь, немея,
Какой нахожу в этом толк?!
И лира, как камень на шее
И как неоплаченный долг.

Трагическая атмосфера,
В трагичное время живём,
Уже начиная с Гомера
Написано всё обо всём.

Но я забываю про это,
Рифмую «пчела – камбала».
Меня просто мама поэтом
В конце сентября родила.

1979

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сосед мне жизни не давал —
Он гвозди в стену забивал.

В ответ не водки выпил — чаю.
Решил, сейчас же уезжаю.

Поеду в город Барнаул.
Сосед устал, а я уснул.

И снится мне, что я непьющий,
И в Барнауле. Но в грядущем —

Прошло уже почти сто лет,
Как от гвоздей устал сосед.

Но вижу после перелёта,
Что не хватает мне почёта.

Никто не скажет добрых слов
Моей фамилии Попов.

Никто не пригласит к обеду,
А памятник стоит соседу.

На пьедестале ясным днём
Стоит с кувалдой и гвоздём.

И я проснулся. Это ужас!
Как получилось, что не нужен

Я Барнаулу в веке новом?!
Как трудно жить и быть Поповым!

Но через сон мне послан знак,
Что я живу совсем не так,

Что быстро отхожу ко сну...
Я по-другому жить начну!

Теперь я знаю, в чем секрет,
Чтоб помнили тебя сто лет.

Поднять себе сумею цену.
Позабиваю гвозди в стену!

1978

Я знаю, что ничего не знаю.

Сократ

Мне говорят, что я почти придурок,
Смягчая грубость вежливым «почти»,
Что мне с советскою литературой
Не по пути.
Что если где-то и шагаю с краю
И невпопад,
То все равно
Я ничего не знаю.
Я это знаю.
Так сказал Сократ.

1979

Как память смущена моя порой бывает,
Знакомых имена вдруг напрочь забывает.

А то и вспомнит, но с такой большой натугой –
И почему они похожи друг на друга!

И я смотрю на них и думаю: «Однако,
Как узок всё же мир, как мир мой – одинаков!»

Одни и те же сны. Одни и те же речи.
Почти не отличить. И отличиться нечем.

Одни и те же дни. Одни и те же скуки.
И мысли. И долги. И пиджаки. И брюки.

И схожести такой мы рады, словно дети.
Как трудно нас узнать! Как просто не заметить!

1979

Вижу буквы через сон
И не разберу ни слова.
Неужели я рожден,
Чтоб читать «Цемент» Гладкова?!

Производственный роман
Не для юных организмов –
В голове моей туман
И цемент соцреализма.

Потому что не простой,
А своеобразный гений,
Потому что не Толстой,
Потому что не Тургенев.

Год пройдет, и век пройдет –
Дрогнут веки у студента,
Он, как я, легко уснёт
От советского цемента.

1979

ТАЙНА СТУДЕНЧЕСКОГО СНА

Я молчу, когда мычит корова,
Чья бы ни мычала, я молчу.
Спит во мне несказанное слово.
Им я никого не огорчу.

Да и что сказать?! Любил я мало.
И не ездил в Прагу и Мадрид.
Только в Сочи. Слово замолчало.
Вещее, поэтому и спит.

Вещее! Оно с неровным нравом,
Не выносит вашу тишь да гладь.
Потому студент имеет право
С вещим словом лекцию проспять.

Хватит спать, вы скажите.

Пожалуй!

Только в мире слишком много слов.
Вещее уснуло, как пожарный,
Как пожарный, что всегда готов

Пробудиться резко по тревоге
И покинуть с матом каланчу.
Я молчу. Коровы сна безроги.
Чья бы ни мычала, я молчу.

Но проснётся слово – и общагу
Я покину. Пусть общага спит.
Буду я любить и ездить в Прагу.
А по воскресениям в Мадрид.

1979

ПРОЩАНИЕ ЕСЕНИНА

Я жил, как пел. Летел без остановки.
И жизнь моя летела, как стрела.
Вдруг истину решил найти в веревке,
Но истина сама меня нашла –

И жить не ново, и висеть не ново.
Веревка, словно баба, неверна.
И кончилось моё хмельное слово,
Но хочется мне песни, как вина.

И хочется мне жить – не понарошку,
Не с черными людьми, что верят в мглу...
И ангел мой сумел найти гармошку
И песню заиграл про жизнь-стрелу.

1979

БЕССМЕРТНЫЙ

Сказал сосед, что долго пил,
Наверно, целый год,
Что он совсем еще не жил,
И значит, не умрет.

А те, что врут, что любят труд,
Не ведая стыда,
Однажды все-таки умрут
От своего труда.

«Порой любая ерунда, —
Сказал он, — не к добру.
Не буду жить я никогда,
Не то, как все, умру...»

1980

Уйду я от вас — надоели вы мне.
И буду один я шагать по весне.

Не знаю, куда буду тихо брести,
Но знаю, что с вами нам не по пути.

Но знаю, что я не вернусь никогда,
И в ваших глазах не оставлю следа.

А встретится вдруг человек — на меня
Похожий. И будет в течение дня,

Как я говорить, что уйдёт по весне,
Что вы надоели ему, как и мне.

То это не я, а другой гражданин.
Мы очень похожи — ушел я один.

Не стал его ждать — да и весь разговор,
А он-то от вас не ушел до сих пор.

1979

Был ли счастлив Пушкин?
Мне неведом
На вопрос ответ. Писал стихи –
И ему литературоведы
Отпускают запросто грехи.

На дуэль не ради интереса
Вышел он. И не счастливым днём.
Думал: – Застрелю сейчас Дантеса –
И тогда со счастьем заживём.

Но исход другой, однако, вышел,
Победил французский негодяй.
Счастье-то короткое, как выстрел,
Поточней стреляй.

1979

Что за усталость души?!
Видно, время печалиться.
Люди вокруг почему-то
совсем мне не нравятся.

Смотрят мне косо вослед,
словно связан я с немцами,
Словно я деньги украл
и работал в Освенциме.

Недруги старшего
и моего поколения,
Чем же я лишний для вас,
не читавших Тургенева?

1979

На вокзале выбирают пути
И садятся на свои поезда...
Остаюсь я. Не поеду. Не жди.
Я умею забывать навсегда.

1980

Пока я собирался написать о зиме,
Наступила весна.

Пока я собирался написать о тебе,
Ты ушла от меня.

Пока я собирался написать,
Что ты ушла от меня,
Наступила весна.

1980

Ведёшь себя всё безрассудней,
Точнее, живешь кое-как.
Оставь эту лирику будней.
Воскликни: – Какой я дурак!

Придет к тебе в гости поэма,
Гони ее, шалую, прочь.
Скажи: – Уже позднее время,
Пора людям спать. Все же ночь.

Живи по-другому – иначе.
У каждого медного лба
Есть точные цель и задача.
Не просто дуэль и судьба.

Оставь этот образ сумбурный,
Оставь полупьяный талант.
И скажут: – Какой он культурный!
Как новый румынский сервант.

1979

Дождь капал еле-еле
Семь пятниц на неделе.

Дождь прятался в траве,
Как мысли в голове.

И целовал он лужи,
Как будто был их мужем.

Смотрю на всё без цели
Семь пятниц на неделе.

1979

У музыканта душа из одних нот,
Он поэтому водку пьёт.
Часто пьёт.

Сыграет талантливо на фортепьяно,
И падает вдруг музыкант в деку пьяный.

И я с ним пил.
Упасть не хватило духа,
Не хватило мне абсолютного слуха.

1979

Почему-то я не робот,
Почему-то слишком робок.

Я хотел к тебе приехать,
И соврать с веселым смехом —

Я — теперь известный автор!
Но узнал, что свадьба завтра.

Завтра свадьба, но не наша,
А со мной не сварить каши,

Не густых семейных щей,
А тем более детей.

Ничего, что в этом роде.
Завтра замуж ты выходишь.

К сожаленью, по любви.
Что тебе стихи мои?!

А твоя любовь — до гроба.
Ты прости, что я не робот —

Мог бы лампочки поправить
И со свадьбою поздравить,

Написать дежурных строк —
Будь счастливой.
Но не смог.

1979

О СОЦРЕАЛИЗМЕ

Герой отрицательный,
Где ты? Ау!
Исчез.
Ни греха, ни протеста.
Но снова подходит
Писатель к столу
Искать тебе в повести
Место.

Читатель сурово
Выносит свой суд:
– А где отрицательный образ?
Подумаешь:
Он ковырялся в носу,
Зато был с соседями добрым.

Подумаешь: пил
И здоровье губил,
И даже попал в неотложку,
Но он никого не избил
И любил
Дворовую рыжую кошку.

Подумаешь: бросил
Детей и жену,
Но сделал он это открыто.
Зато он не предал
Родную страну,
Товарных не клял дефицитов.

Подумаешь: книг
Никаких не читал,
И к ним не тянуло от роду,
Зато безо всяких влияний
Мечтал
И часто ходил на природу.

Подумаешь: деньги
Свои бережёт,
О смертном лишь думая часе,
Зато их не тратит
На ветреных жён,
Хранит в сберегательной кассе...

Читатель-то прав.
Не открою секрет –
Вокруг только
Светлые люди.
Героев у нас
Отрицательных нет,
И, видимо,
Больше не будет.

1980

Я не душегуб, а книголюб,
Хоть порою хмур я и сутул.
Но сказали: – Только через труп!.. –
И вздохнул я и перешагнул.

Оказалось, к этому готов,
Сделал шаг – в чем хочешь, обвини –
Через прах моих вчерашних слов,
Потому что умерли они.

1978

Я невежливо, видно, заметил,
Что в словах у них много рассудка.
То, что я считал лучшим в поэте,
Неуместной казалось им шуткой.

Хорошо, что мы драться не стали,
Выяснять отношений детали.
Их стихи публикуют в журнале,
А мои в стенгазету не взяли.

Неудачу запью свою пивом.
Да и ладно! Немного обидно...
Только так это несправедливо,
Что любому ежу очевидно.

1980

Неужто когда-то я стану прохожим,
Который не помнит, как жил и что прожил,
Зачем было столько разочарований,
Зачем обещал, что счастливым он станет,

Который идёт по проспекту с портфелем,
Идёт из кафе – вместо сердца тефтеля.
Взамен всех стихов и духовного мира
Тефтеля бесчувствия. И без гарнира.

1979

ПАМЯТНИК

*Стремление к невозможному –
безумство.*

Марк Аврелий

Кто хочет невозможного, мне мил.

Иоганн Гёте

И невозможное возможно...

Александр Блок

Ищу слова,
Который год упорно
Классический хочу постигнуть стих –
Так памятник себе нерукотворный
Воздвигнуть – выше зданий типовых.

Мне вечность,
Как прораб, с усмешкой горькой
Напоминает, чуть ли не грозит:
– Поторопись. Не двигается стройка.
Не успеваешь выше пирамид.

И от того душа порою ропщет,
Что не хватает времени и чувств,
Что, может, надо как-нибудь попроще
И как-то поскромней – воздвигнуть бюст.

А можно и гараж – иль что иное,
Чтоб как у всех –
И сердце не болит.
Но памятник мне нужен – вот и строю.
Ищу слова прочнее, чем гранит.

1980

В том году, а может быть, и в этом,
Может быть, недавно иль давно
Стал курить я с фильтром сигареты,
Начал пить дешёвое вино.

Всё смешалось. Вроде жил я мало.
Ну, немного. И в какой-то год
Для чего сказал я: – Всё пропало!
В самом деле всё так пропадёт.

Всё смешалось – память где-то стёрта,
Где-то вдруг ясна наоборот.
Что же я забыл в году каком-то?
Или год такой лишь настанёт?

Может быть, пропали все поэты,
Мне совсем другое суждено,
Хоть курю я с фильтром сигареты,
Начал пить дешёвое вино.

О поэтах что я помню? Мало.
Ну, немного! После всех учёб.
Время стёкла памяти смешало
И глядит в них, как в калейдоскоп.

Может, у Казанского вокзала,
У Никитских, может быть, ворот
Для чего сказал я: – Всё пропало!
А подумал – всё не пропадёт.

1979

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Зачем лукавить мне с тобою, современник?
Я к вызовам судьбы был часто не готов –
И в суете сует мне не хватало денег,
И в суете сует мне не хватало слов.*

*Но от избытка чувств, спиртного и таланта
Я в шумных кабаках не бил кривых зеркал,
Не приставал к счетам скупых официантов,
К официанткам я худым не приставал.*

*И в переулках тьмы я не смотрел с опаской,
Со страхом не смотрел на хищные ножи.
И строгий постовой не изучал мой паспорт,
И не искал во мне наркотик скрытой лжи.*

*Я не хрипел со сцен, чтоб не спешили кони,
И писем не писал пространных в Древний Рим,
И Моцарту в вино не добавлял полоний,
Но понимал, о чем мы с веком говорим.*

*И в чуткой тишине без лишних слов и денег,
Когда был чёрный день на смертный час похож,
Я полюбил тебя, мой строгий современник.
И ты меня простишь. И ты меня прочтёшь.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Посвящение	6

Ученик Андрей

«Тепло на юге, только зной...»	8
«Какие в Воркуте печали!...»	9
Детские слёзы	9
«Ты говоришь...»	10
После первой кружки пива	10
Самому себе	11
«Всё, что можно перековеркав...»	12
Перспектива	13
«Короткие чувства – на несколько строк...»	14
Буру в школьном туалете	15
«Как хорошо – темным-темно!...»	16
«Как я живу? Как мне противно это!...»	17
«Тебя я не поеду провожать...»	18
«Порядки сместились. Но ждать не устали...»	18
Звёздные суды	19
«Начну умирать. И глаза я закрою...»	20
«Знает душа, хоть она непрактичная...»	21
«Ты спокойна, как газета...»	21
«Мне время действует на нервы...»	22

Газеты для русалок

Бутерброд с Рембрандтом	24
Ропот дождя	25
«Зал обрастал зрителями...»	26

«Я люблю картины «сюра»...»	27
«Я себе говорил и не раз...»	28
«Не судите про мои задатки...»	28
«Она смеялась надо мной...»	29
«В советской деревне...»	29
«Молоко обсохнет на усах...»	30
«Сама собою скрипнет половица...»	31
Ветер	32
«Подумал я – вдруг заведу семью...»	33
«Простимся, друзья, без печали...»	33
«Эйфеля башня собою горда...»	34
«Я в Сочи не искал библиотек...»	35
«Ударил дождь...»	36
Конверт с мотыльком	37
«Я лежу на тротуаре...»	38
«От плотских мечтаний, от тени латаний...»	38
«Сигарета сгорит...»	39
«Этот город одинок, как отшельник...»	39
Срок возвращения	40
«Какая-то, брат мой, мура...»	41
«Я пишу стихи...»	41
«Почему ты ещё не великий?!»	43
Снежное лето	43
«Я ей сказал, что я поэтом стал...»	44

Поражение министра

Победа над чёрным человеком	46
Студенческий сон	47
Опоздание в университет	49
«Учиться дальше не пойду...»	49
«Меня пугали, что мещане...»	50
Поэт и художник	51
«Решил, что любовь...»	54
«Чего не бывает на свете?...»	55

Свиное сердце	55
«Рифмую «планета – котлета»...»	57
Путешествие во времени	58
«Мне говорят, что я почти придурок...»	59
«Как память смущена моя порой бывает...»	60
«Вижу буквы через сон...»	61
Тайна студенческого сна	62
Прощание Есенина	63
Бессмертный	63
«Уйду я от вас – надоели вы мне...»	64
«Был ли счастлив Пушкин?...»	65
«Что за усталость души?!»	65
«На вокзале выбирают пути...»	66
«Пока я собирался написать о зиме...»	66
«Ведёшь себя всё безрассудней...»	67
«Дождь капал еле-еле...»	68
«У музыканта душа из одних нот...»	68
«Почему-то я не робот...»	69
О соцреализме	70
«Я не душегуб, а книголюб...»	72
«Я невежливо, видно, заметил...»	72
«Неужто когда-то я стану прохожим...»	73
Памятник	74
«В том году, а может быть, и в этом...»	75
<i>Послесловие</i>	76

Литературно-художественное издание

ПОПОВ АНДРЕЙ ГЕЛЬЕВИЧ
ПОЛПАЧКИ ЖИЗНИ

Стихи

Редактор – Надежда Мирошниченко
Вёрстка – Павел Симпелев
Художественное оформление – Светлана Шабалина

16+

Подписано в печать 1.07.2026 г. Формат 70х100^{1/32}
Усл.-печ. л. 3,22. Тираж 100 экз.